

Л.В.Поляков

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ДРАМА РУССКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм:
культурные коды русской цивилизации. —
М.: Русский путь, 2011. — 320 с.

Ключевые слова: манихейство, гностицизм, ментальность, матрица сознания, культурология

Рецензируемая книга, на мой взгляд, может и должна стать одной из важнейших вех в бесконечной (как кажется) истории национального самопознания. Хотя бы потому, что она претендует ни много ни мало как на то, чтобы оборвать эту «дурную» бесконечность. И открыть наконец-таки тайну «загадочной русской души». Это придает книге качество интеллектуального триллера, сочетающегося при этом со строго научной эвристичностью.

Дело в том, что авторы ради открытия этой «тайны» разработали достаточно серьезный исследовательско-методологический инструментарий. И, по сути, вслед за А.С.Ахиезером предложили свою версию прикладной культурологии России. Эту версию можно назвать «структурно-функционалистской» в том буквальном смысле, который предполагает выявление базовой структуры изучаемого объекта и анализ модусов ее функционирования.

Такая композиция предложенной авторами теории весьма наглядно отражена и в самом построении книги. Одному автору — И.Г.Яковенко — выпала та часть работы, которая состояла в открытии и описании базовой структуры «русской цивилизации». Другому — А.И.Музыкантскому — довелось выявить весьма нетривиальный механизм ее функционирования. И нужно признать, что такое разделение труда оказалось в высшей степени продуктивным. Между текстами соавторов практически не ощущается «швов» и «разрывов» — при том что каждый из них обладает совершенно своеобразным, отчетливо индивидуальным научным языком.

Более того, в какой-то момент чтения начинает ощущаться эффект синергии, то есть проявления таких смыслов, об описании которых авторы изначально вроде бы и не сговаривались. Книга не то чтобы начинает говорить сама за себя, но, во всяком случае, превращается в почти самостоятельного «третьего». В генератора таких проблем, которые от уже написанного и вроде бы законченного возвращаются к самим авторам, заставляя вновь и вновь думать над тем, что показалось окончательно решенным.

Однако тезис об автономности книги никак не означает того, что авторы не ответственны (в научном, разумеется, смысле) за возникающие — помимо их воли — реминисценции, коннотации и проекции. Скорее наоборот — чем свободнее пространство вызываемых их книгой ассоциаций, тем более жесткий предполагается контроль над тем, почему и как они возникают. Особенно в том случае, когда выдвинутая теория претендует на окончательность и расстановку почти всех точек над *i*. Вот, собственно, об этих неконтролируемых ассоциациях (сиречь проблемах) и представляется важным поговорить.

**Между Марксом
и Юнгом**

Основная проблема первой части книги состоит в том, что заявленная методология несет в себе так до конца и не разрешенное противоречие. Дело в том, что Яковенко является одним из создателей «смыслогенетической культурологии», в которой «история человечества рассматривается как смена макрокультурных систем, обусловленная объективной логикой развертывания ментальных структур» (с. 34). По отношению к России как макрокультурной системе это означает, что ее история задается логикой двусоставного ментального комплекса, образуемого «манихейской доминантой» и «гностическим компонентом».

Именно манихео-гностический комплекс и образует русскую ментальность, или «многомерную сущность, лежащую в основании всей безграничной феноменологии социальности и культуры» (с. 42). Поэтому культурные коды русской цивилизации содержат в себе мощный миробежный (гностический по истокам) заряд. Поэтому же во всех социокультурных практиках России во все времена господствует манихейский подход, базирующийся на бинарных оппозициях. Русские неизменно делят мир на «своих» и «чужих», нетерпимы ко всему «чужому», в иерархии свершений выше всего ставят военные победы и не признают универсальных этических норм.

Под этот ключевой тезис автор подводит богатую «феноменологию» (в вышеупомянутом смысле), которая призвана засвидетельствовать, что вывод им получен на основе совершенно объективного анализа *sine ira et studio*. Разумеется, у исследователя, исходящего из иных методологических посылок, та же «феноменология» могла бы расшифровываться несколько (а может, даже совсем) иначе.

Но проблема не в различии методологий. Она в том, что заявленный тезис о ментальности как «сущности», которая отражается в социальности, культуре и структурах деятельности, а также детерминирует логику истории, постоянно натывается на попытки самого же автора объяснить появление этой ментальности (манихео-гностического комплекса в нашем случае) типом социальности, спецификой культуры и особенностями внешней среды.

Получается логический круг, в котором ментальность детерминирует социальность, а та, в свою очередь, предопределяет появление осо-

бого типа ментальности. Это наглядно проявляется хотя бы в том, как Яковенко объясняет возникновение гностической мировоззренческой парадигмы. Она «формируется не только в цивилизациях, исчерпавших возможности для дальнейшего развития», но и «в обществах, которые существуют в стабильно неблагоприятных, дискомфортных для человека условиях, продуцирующих устойчивое переживание жизни на земле как бремени» (с. 45).

В частности, к таким условиям относится «неблагоприятная природная среда», «сосуществование в одном пространстве несочетаемых культур, образов жизни, этносов, стадийно расходящихся обществ» и «заданная внешними императивами ситуация неимманентного развития» (с. 45). Но по поводу каждого определения уместно спросить с позиций той же смыслогенетической культурологии: а почему среда воспринимается как неблагоприятная? Почему культуры, этносы и прочее оказываются «несочетаемыми»? Как определяется само «неимманентное»? И ведь ответ очевиден: только определенная ментальность задает перечисленные смыслы как якобы объективные модусы «внешней среды». А если наоборот, то мы должны солидаризоваться с К.Марксом (и даже с Ш.Монтескье), вопреки имплицитной установке на солидаризацию с К.Юнгом и его теорией «архетипов».

NB! Выделение в сфере ментальности «уровня первотектонов» напрямую отсылает нас к Юнгу, который писал: «Здесь я должен пояснить связь между инстинктами и архетипом: то, что мы, соответственно, называем инстинктами, — это физиологические побуждения, воспринимаемые нашими органами чувств. Но в то же время они часто проявляются в фантазиях и обнаруживают свое присутствие только через символические образы. Эти проявления и есть то, что я называю архетипами. Их происхождение неизвестно¹. Впрочем, о непосредственном «юнгианстве» авторов смыслогенетической культурологии говорить не приходится хотя бы потому, что они допускают возможность отрыва ментальности от бессознательного уровня «первотектонов», что в случае архетипов Юнга принципиально невозможно.

¹ Юнг 1990: 401.

**Между Юнгом
и Шпенглером**

Первая часть книги акцентированно методологична, но одновременно активно насыщена эмпирическим материалом. Нужно отдать должное Яковенко в том, насколько мастерски точно он интерпретирует специфические черты русской культурной традиции, начиная с крещения Руси и вплоть до наших дней. Говорит ли он о стереотипах общения русских, об отношении к природе, о женофобии или юродстве — во всех этих и многих других случаях объяснение через редукцию к манихо-гностическому комплексу выполнено практически безупречно. Читатель, не обладающий иной методологией и не вооруженный иной

парадигмой понимания русской цивилизации, практически обречен на то, чтобы поверить: да, все так и есть «на самом деле».

А «само дело» состоит в том, что «русское» изначально складывалось как «гностически-манихейское». И на такой последовательности компонентов культурных кодов русской цивилизации настаивает сам автор. Он пишет: «Сложно ранжировать элементы манихео-гностического комплекса, но создается ощущение, что гнозис „базовее“, онтологичнее. В случае деструкции цивилизации размывание гнозиса будет происходить в последнюю очередь» (с. 183—184)².

² Стоит отметить, что в данном пункте Яковенко сознательно расходится с Ахиезером, отмечая: «В предложенной Ахиезером перспективе манихейство оказывается исходным и потому неустранимым компонентом российского сознания» (с. 107).

Почему, несмотря на то что автор говорит лишь об «ощущении», эта констатация принципиально важна? Во-первых, потому, что именно такая структура комплекса намекает на определенный механизм его функционирования (это будет наглядно и убедительно — в рамках избранной методологии — показано уже Музыкантским). А во-вторых, потому, что возникает «боковая колея», которая указывает на еще одну скрытую методологическую развилку: возможность объяснять «базовость» гностического компонента «русского комплекса» не через отсыл к по-юнговски понимаемой «ментальности» как первосущности или просто «сущности», но с помощью шпенглеровской теории культурного псевдоморфоза.

Проблема очевидна: почему манихейский компонент, будучи исторически и этнически «первее», уступает по степени внедренности в русскую ментальность гностическому? Ведь манихейство как особая (акцентированно дуалистическая) ментальность предшествует гностицизму и охватывает даже те регионы, где сталкивались этнические компоненты будущей «культурной» русскости. Как подчеркивает Яковенко, «речь идет о более глубокой укорененности манихейских представлений в достаточно широком регионе, „накрытом“ православным культурным кругом» (с. 109).

И тем не менее при всей своей вторичности еретически-православный (гностический) компонент русизма как особой ментальности оказывается более (или даже просто) фундаментальным?! Гипотеза смыслогенетической культурологии о ментальности как первосущности не допускает такой перестановки. Зато теория псевдоморфоза, разработанная О.Шпенглером (как преемником Н.Я.Данилевского и предшественником А.Тойнби), вполне ситуацию объясняет. Правда, сам ее автор считал первым русским псевдоморфозом западнические реформы Петра I³. Но что мешает с использованием его же методологии предположить, что настоящим первым псевдоморфозом был перенос инфицированного балканскими гностическими ересями христианства на древнерусскую культурную почву? Тогда авторское «ощущение» того, что гнозис в русском комплексе все же «базовее», может получить вполне рациональное (методологически в рамках шпенглеровства) объяснение.

³ «...С основанием Петербурга (1703) следует псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем — XIX столетия. Петр Великий сделался злым роком русскости» (Шпенглер 1998: 197).

**Между Марксом
и Вебером**

Однако не забудем и о «во-первых». Это совершенно недопустимо, ибо как раз во второй части показано, каким образом гностико-манихейский комплекс не просто присутствует в пространстве русской культуры, но наделяет ее временем и уникальным ресурсом исторического выживания.

Именно поэтому вторая часть и книга в целом начинают приобретать крайне актуальное и острополитическое звучание. Если речь об истории, то значит — и о новейшей. А если о ней — то непременно и о перспективах. Значит, нужно ждать как методологически выверенного объяснения «провала» либеральных реформ, так и научно обоснованного алгоритма реформ успешных. Что, собственно, авторами и предлагается.

Прежде всего стоит отметить почти (позже выяснится смысл этой оговорки) идеально гладкую передачу «эстафетной палочки» от одного автора к другому. Музыкантский начинает строго в той логической точке, в которой заканчивает свое исследование Яковенко. То есть, тезис о «первичности» гностической «матрицы сознания»⁴ по отношению к матрице манихейской во второй части принят и применен неукоснительно.

⁴ Термин Музыкантского, которым не пользуется Яковенко. Но это различие лишь подчеркивает имманентное юнгианство авторов. Вот доказательство: «На самом деле описываемые матрицы сознания могут воспроизводиться и транслироваться и в отсутствие прямой исторической преемственности... что заставляет задуматься об их присутствии в глубинных слоях человеческой психики, если не человеческой природы как таковой» (с. 207, сноска б).

При этом важно понять, в каком смысле манихейство в русском комплексе оказывается «вторичным». Речь не идет о порождающей связи. Речь о том, что одна матрица сознания в какой-то момент как бы «активирует» другую. И раскрытие сути и последовательности этих моментов как раз и демонстрирует серьезный креативный потенциал гипотезы о гностико-манихейском комплексе.

Вот по сути дела центральный тезис книги: «Наша гипотеза состоит в том, что *механизмом, блокирующим утверждение гностических смыслов в качестве основания российской культуры, являются неоднократно имевшие место в российской истории переключения с гностической парадигмы на манихейскую и наоборот*» (с. 208).

А вот резон, на основании которого этот тезис должен быть (если мы согласились с презумпцией первой части) принят. Гностическая матрица — мироотречная. Она задает депрессивно-пессимистическую установку и потому не может выполнять культуростроительную функцию. Ее доминанция неизбежно ведет к «самоубийству» культуры. И чтобы этого не произошло, в русской ментальности срабатывает «тумблер», переключающий культуру на энергетику манихейской матрицы, которая переформатирует мир безнадежности, уныния и умирания в мир динамики бинарных оппозиций, напряженности сил противостояния, агрессии последней битвы против вселенского «зла».

Все основные циклы русской истории получают объяснение (и обоснование) как серии таких матричных «переключений» или, в терминологии авторов, «перезагрузок». Подобных циклов насчитывается четыре: Киевская Русь, Московское государство, империя Романовых, Советский Союз. Соотношение двух матриц таково, что гностическая задает континуальность культуры, а манихейская — ее прерыв-

ность. Период мироотречной «безнадеги» может длиться столетиями, период энергетического подъема на финальную борьбу с мировым «злом» короток и обычно укладывается в десятилетие.

Собственно, тут и необходимо объясниться по поводу «почти» гладкой передачи «эстафеты». Именно в интерпретации роли манихейства между авторами и появляется тот «третий», о котором говорилось вначале. Для Яковенко манихейство выполняет социокультурно деструктивную функцию: «Манихейские настроения нельзя использовать для создания чего-то позитивного. Эта сущность принципиально анти-созидательная» (с. 184). А для Музыкантского наоборот: «Утвердившаяся манихейская парадигма имеет для социума в целом объективно благотворный характер» (с. 216).

Хочется подчеркнуть: дело не в том, что авторы «недоглядели». Просто логика избранного метода обладает такой автономией, что способна при строгом ей следовании как бы сама проблематизировать вроде бы предполагаемые по умолчанию авторские консенсусы. И это, между прочим, — то самое попперовское доказательство истинности (то есть научности) теории через возможность ее фальсификации, коль скоро мы вообще признаем за культурологией статус науки.

Однако значимость книги не только и не столько в том, что она дает чистую теорию. Раскодируя русскую цивилизацию, авторы просто обязаны рассмотреть опыт новейших неудач и предложить наконец алгоритм исторического успеха. Разумеется, это и делает Музыкантский, предварительно определившись с методологической базой исторического анализа. Впрочем, в ее отношении сомнений нет с самого начала. Авторы давно отказались от Марксовой формационной теории в пользу теории цивилизационной. И этот выбор наглядно подтверждается в том месте книги, где решается ключевой для культурологии России вопрос — о выборе «западного» пути.

Решительное отвержение фукуямовской теории «конца истории» присутствует здесь не в качестве идеологического ритуала, а как способ до предела драматизировать проблему русского выбора. И как способ выйти за пределы порочного западническо-почвеннического интеллектуального круга, который, в рамках авторской концепции, нужно рассматривать как неизбежную проекцию гностико-манихейского ментального комплекса.

Делается это элегантно даже в композиционном плане. Автор рассматривает двадцатилетие новой России как своеобразный диптих из двух «проектов». Первый — западнический (по логике концепции — манихейский) проект 90-х — заканчивается крахом. Второй — проект «нулевых» — очевидно должен быть идентифицирован как «гностический», то есть как втягивание России в привычное безвременье мироотречного угасания. Где выход?

Вернуться в 1990-е нельзя не потому, что это прошлое. Очередной эксперимент с западничеством невозможен постольку, поскольку сам Запад в логике цивилизационной теории — самоисчерпавшаяся культу-

ра. Нет смысла бежать за поездом, который уже пришел на конечную станцию (беспощадно точный образ автора введения к книге А.А.Пелипенко). Музыкантский не исключает, что сам Запад преодолеет уже не первый в своей истории «закат» и предложит человечеству очередной лидирующий «проект» — например, «новой экологической аскезы» (с. 272). Но нам-то что сейчас делать? Ждать откровения с Запада?

Автор предлагает решение как «творческое прочтение западного опыта средствами своей культурной традиции» (с. 290). И тут, похоже, начинается отступление от собственной же методологии. Ведь никакого иного творческого прочтения, кроме все того же гностически-манихейского, в русской цивилизации нет и быть не может. Ментальность есть неизменная сущность, детерминирующая все фрактальные срезы культуры. И это то бессознательное, контролировать которое ни индивид, ни сама по себе культура не в состоянии. «Творчески прочесть» здесь похоже на то, как барон Мюнхгаузен вытащил сам себя за волосы из болота.

Так, значит, выхода нет? Все безнадежно?

Авторы считают, что задача «корректировки цивилизационного ядра, изменения наличного менталитета», то есть «социокультурной реформации российского общества», решаема. Для этого те, кто хочет успешных реформ, должны наконец отказаться от Маркса и перестать уповать на примат экономики. Задача эта должна решаться «по Веберу: сначала формационные сдвиги в культуре и только затем — переменны в экономике» (с. 308).

Этот методологический переворот, превращающий культуру (даже, точнее, ментальность) в «базис», а экономику в «надстройку», дает возможность построить «непрерывную технологическую цепочку» вывода России из ее гностико-манихейского комплекса. Отсылая любознательного читателя к той части книги, где прописаны все семь шагов, выводящих нас из самих себя (с. 309), сосредоточусь на переходе от первого шага ко второму. Потому что, как правило, проблема всех спасительных теорий заключается именно во втором шаге.

После «социокультурной реформации» (то есть смены марксистской парадигмы на веберовскую?) нужно начать «формирование и закрепление в культуре новой системы ценностных координат». Вот тут и встает самая мучительная и до сих пор не разрешенная проблема: кто и как сформирует эти самые «координаты», проще — «ценности»? А самое главное — зачем?

Ведь если верить отцам-основателям «теории цивилизаций» — не упомянутым в книге Н.Я.Данилевскому и К.Н.Леонтьеву, — то, что они называли «культурно-историческими типами», живет (ограниченное время!) и имеет смысл в истории лишь только в силу своей уникальности, какова бы эта уникальность ни была. И «корректировка цивилизационного ядра» в этой теории принципиально невозможна либо «возможна» в виде того псевдоморфоза, который аналитически виртуозно открыл и описал Шпенглер.

Мне представляется, что сами авторы, вопреки своему мужественному оптимизму, все-таки не верят в возможность выхода русской цивилизации из фатальной цикличности гностически-манихейской «перезагрузки». Не случайно в названии книги значится — «культурные коды». Это — приговор. Код культуры можно понять, но нельзя поменять. Иначе это будет уже другая культура. Мы все — мыслящие и не очень — действительно страстно хотим стать другими. Но именно в этом мы остаемся самими собой.

Такова экзистенциальная драма русской культурологии, наглядно отпечатавшаяся в судьбе Петра Чаадаева. Понять себя у нас означает выйти из себя, стать в глазах всех остальных «сумасшедшим». Словно опасаясь этой судьбы, другой великий русский заклинал: «Умом Россию не понять». Структурно-функциональная культурология России, предложенная авторами, — очередная и по-научному героическая попытка это заклятие преодолеть.

Библиография

Юнг К. 1990. Приближаясь к бессознательному // *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности*. — М.

Шпенглер О. 1998. *Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы*. — М.